

DOI 10.32726/2411-3417-2023-4-56-74

УДК 94(47); 929; 316

Антон Крутиков

Питирим Сорокин и его социология революции

Аннотация. Статья посвящена теории революции русско-американского социолога П.А. Сорокина, ставшей результатом многолетней работы по обобщению итогов Русской революции и ее наследия. Оригинальная концепция революции, разработанная Сорокиным в 1920-е годы, отразила его личный жизненный опыт — участника, очевидца и жертвы революционных потрясений. Изгнанный из Советской России в 1922 г. за критику большевизма и полемику с теоретиками партии, он стал одним из основоположников мировой социологии. Многие в его социологии революции по-прежнему не лишены актуальности и представляют безусловный интерес.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, Русская революция, социология революции, реакция, контрреволюция, этатизм, коммунизм.

Последние 120 лет исторического развития российского общества и государства можно с полным правом охарактеризовать как эпоху революций. Споры о том, что стало ее отправной точкой и каковы были глубинные причины революционных трансформаций, продолжаются до сих пор. Далеко не всегда возможные ответы на эти вопросы лежат в плоскости политической истории. Одним из примеров взаимосвязи политического и социально-экономического измерений Русской революции можно считать гибель в мае 1902 г. в результате покушения террористов-эсеров министра внутренних дел Российской империи Д.С. Сипягина, «последнего боярина Московской Руси», как его характеризовали современники. Помимо сдержанного политического консерватизма и преданности последнему российскому монарху Николаю II, он был известен как один из инициаторов созыва «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (результаты которого, обнаружив существование в центральной России нескольких десятков миллионов «неэффективного» с экономической точки зрения крестьянского населения, были частично засекречены). Работа Особого совещания не была доведена до конца — новый министр внутренних дел В.К. Плеве ограничил деятельность местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и земских учреждений. Разрешение социальных проблем империи административно-экономическими, а не революционными методами (путем привлечения экспертов и вне сферы «большой политики») оказалось вследствие этого невозможным.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — независимый историк и политический аналитик; bialyorz1000@gmail.com.

Гибель царского министра в 1902 г. подтвердила печальную тенденцию: все попытки российской дореволюционной элиты решить критически важный с политической и социальной точки зрения крестьянский вопрос терпели неудачу¹. В Российской империи не нашлось конструктивной силы, способной высвободить скрытую в крестьянской массе колоссальную энергию, многократно увеличенную демографическим взрывом конца XIX — начала XX в., и направить ее на путь созидательного труда. Альтернативой стала Русская революция, имевшая глубокие исторические корни и по-своему разрешившая вопрос о допустимости применения насилия ради достижения поставленных целей. Под ударами революционного террора трагически оборвались судьбы Царя-Освободителя Александра II, великого князя Сергея Александровича Романова, министров Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, премьера П.А. Столыпина и многих других видных сторонников мирного, эволюционного развития страны.

Черета революционных потрясений, в которую в начале XX в. вступила Россия, привела к трансформации царской монархии в советскую идеократию, оставив ряд неразрешенных до сегодняшнего дня проблем как практического, так и теоретического характера.

На протяжении десятилетий настойчивые попытки отечественной политической мысли проникнуть в суть «революционной матрицы» зачастую разбивались о непреодолимую преграду — их авторы сами оказывались в водовороте революционной борьбы. Под удар попадали прежде всего объективность и научность вырабатываемых ими оценок.

Сложные взаимоотношения известного русско-американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968) с Русской революцией и ее наследием отразили его личный жизненный опыт — участника, очевидца и жертвы революционных потрясений. И этот же опыт помог ему сформироваться как выдающемуся аналитику и теоретику. Молодые годы будущего ученого прошли под знаменем борьбы с двумя «кровавыми режимами» — сначала царским, а затем и большевистским. Вопреки распространенному стереотипу о консервативном и патриархальном характере провинциального общества в Российской империи, П.А. Сорокин с детства оказался буквально в «инкубаторе» революционных идей.

Его происхождение (отец был ремесленником, изготавливал и продавал оклады для икон и церковную утварь), казалось, давало мало шансов получить системное образование. Не говоря уже о том, чтобы стать «социологом номер один современного мира» и автором «коперниковской революции в социологии», как характеризовали его впоследствии коллеги в США [Cowell. P. 46]. Тем не менее жизненный путь П.А. Сорокина

1 Лидеры славянофилов еще в XIX в. утверждали, что самодержавный монарх в России может править, опираясь исключительно на народную поддержку. Утрата поддержки российского крестьянства, составлявшего большинство жителей империи, вела, по их мнению, к кризису власти и будущей революции.

подтверждает существование в Российской империи своеобразных, жестких, но порой эффективных «социальных лифтов», сыгравших значительную роль в судьбе будущего создателя теории «социальной мобильности».

Во время обучения в церковно-учительской семинарии в селе Хреново Кинешемского уезда Костромской губернии пятнадцатилетний Питирим Сорокин впервые столкнулся с несовершенством мира. Сорокина беспокоило в первую очередь несовершенство человеческого общества, а не политической системы, что заметно отличало его от будущих коллег по «революционному цеху». Именно тогда у него возникло желание это общество системно изучить, чтобы впоследствии приступить к его исправлению. Среда, в которой вырос будущий ученый, оказалась для этого крайне благоприятной.

В семинарии П. Сорокин попал в пеструю компанию социал-демократов, анархистов, либералов, эсеров и просто людей «без политической платформы», объединенных отсутствием всякого интереса к духовным основам образования. Взгляды социалистов-революционеров, близкие Сорокину в силу социального происхождения, показались ему более целостными, чем у остальных. В 1906 г. он вступил в их партию.

Дальнейшее образование Сорокин продолжил — как и многие его современники, открыто выступавшие против существующего государственного порядка, — в тюрьме, в общении с более опытными коллегами-революционерами. В Российской империи исправительная система была словно создана для того, чтобы революционеры всех оттенков политического спектра могли пройти социализацию и свободно дискутировать. «Мы, — вспоминал Питирим Сорокин, — политические заключенные, превратили тюрьму в безопасное место для хранения революционной литературы и за плату пересылали с охранниками на волю письма другим революционерам, свободно навещали друг друга в своих камерах и ежедневно беспрепятственно собирались для обсуждения политических, социальных и философских проблем» [Сорокин. Долгий путь...].

Личные наблюдения П.А. Сорокина в политическом заключении заложили основу для его первых опытов социологического анализа и одновременно заставили задуматься о приближении неизбежного — будущей социальной катастрофы. «Когда политический режим начинает рассыпаться, “вирус дезинтеграции” быстро распространяется всюду, заражая все институты власти, проникая во все щели. Падение режима — обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима. В случае с нашей тюрьмой мы имели типичную иллюстрацию действия этого принципа. Если революцию нельзя искусственно начать и экспортировать, еще менее возможно ее искусственно остановить» [Сорокин. Долгий путь...].

Уникальный опыт общения с революционерами-единомышленниками и представителями криминального мира позднее был отражен в первой серьезной работе П.А. Сорокина «Преступление и кара» (1913). Хорошо изучив жизнь исправительной системы в императорской России и сравнивая ее впоследствии с большевистской, он предпо-

читал тюрьму при «старом режиме». Там, по его словам, было чище, выдавали книги, обращение было более гуманным. Самообразование Сорокина, его становление как исследователя-социолога во многом относится к этому периоду жизни. Четыре месяца общения с политическими заключенными и чтение философской литературы дали П.А. Сорокину больше, чем весь учебный процесс в семинарии.

После освобождения в 1907 г. «товарищ Иван», как теперь в целях конспирации называли П.А. Сорокина, стал «бродячим миссионером революции» и проявил себя в качестве амбициозного и талантливого агитатора. В том же году он переехал в Петербург, что позволило ему познакомиться со многими политическими деятелями, депутатами Государственной Думы, руководителями политических партий. Он неустанно занимался самообразованием, создавая необходимый фундамент для своей будущей университетской карьеры.

После обучения в Психоневрологическом институте (открытом в 1908 г. по инициативе В.М. Бехтерева и М.М. Ковалевского) и Петербургском университете П. Сорокин был «оставлен» в последнем для «подготовки к профессорскому званию». В 1916 г. он защитил магистерскую диссертацию и получил должность приват-доцента. Университетские наставники Сорокина — М.М. Ковалевский и Л.И. Петражитский являлись видными членами либеральных политических партий. Они благосклонно относились к «умеренному социализму» молодого ученого [Finkel. P. 158]. В 1913 г. Сорокин в очередной раз попал под арест из-за написанного им памфлета к 300-летию дома Романовых и был освобожден благодаря личному ходатайству М.М. Ковалевского.

П.А. Сорокин с энтузиазмом принял Февральскую революцию 1917 г., которая раскрыла его талант организатора и публициста. В марте он в качестве редактора принял участие в издании эсеровской газеты «Дело народа». В период политического «двоевластия» в Петрограде занимался подготовкой созыва Всероссийской крестьянской конференции и организовал издание газеты правых эсеров «Воля народа». В июле 1917 г. Сорокин стал секретарем председателя Временного правительства А.Ф. Керенского. Осенью того же года, после поражения выступления Л.Г. Корнилова, он был избран членом Совета Комитета народной борьбы с контрреволюцией и членом Временного Совета Республики (Предпарламента).

Как и большинство представителей российской интеллигенции, П. Сорокин не принял захват власти большевиками в октябре 1917 г. В январе 1918 г., будучи депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии эсеров, он был арестован новой властью. Осенью 1918 г. Сорокина арестовали вновь, и на этот раз ему грозил расстрел. Спасло его лишь открытое письмо в газету «Крестьянские и Рабочие Думы», где он объявлял о решении отойти от политической деятельности.

Молодой ученый вновь вернулся в Петроград, чтобы занять место преподавателя юридического факультета Петербургского (Петроградского) университета. В 1919 г. он перешел на только что созданную кафедру социологии (при факультете обществен-

ных наук) того же университета и стал профессором теории общественного развития в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. Вместе с академиком И.П. Павловым Сорокин участвовал в организации Общества объективных исследований человеческого поведения. В начале 1920-х годов ученый совмещал преподавательскую деятельность с работой в бехтеревском Институте по изучению мозга и психической деятельности, в Историческом и Социологическом институтах.

Очередной конфликт с советской властью, приведший к принудительной эмиграции П.А. Сорокина, произошел в начале 1922 г. Поводом стал повышенный интерес ученого к причинам массового голода в Советской России в 1921–1922 гг. и особенно подготовка им рукописи книги «Голод как фактор». На страницах журнала «Экономист» и в публичных выступлениях социолог вступил в открытую полемику с главными теоретиками большевистской партии В.И. Лениным и Н.И. Бухариным. Подобно многим представителям интеллигенции, Сорокин выступал против господства марксистских догматов в общественной жизни, политизации знания об обществе, отстаивал право на свободу мысли и научной дискуссии. 21 февраля 1922 г., выступая на торжественном собрании в честь 103-й годовщины образования Петербургского университета, П.А. Сорокин призвал слушателей заняться возрождением отечества, которое, по его словам, лежало в руинах после Гражданской войны и революции: «Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, – это знания, это чистую науку, обязательную для всех. Но не берите суррогатов науки, так ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии предлагают вам тьмы фальсификаторов» [цит. по: Главацкий. С. 67].

Статья П.А. Сорокина в журнале «Экономист», посвященная анализу демографических, социально-экономических, политических и духовно-нравственных изменений в российском обществе, вызвала особый гнев В.И. Ленина [Сорокин. Сочинения... С. 195]. В результате ему было запрещено заниматься преподавательской деятельностью, а в сентябре 1922 г. он был выслан за пределы РСФСР. Как пассажир символического «философского парохода» (ученый покинул Советскую Россию на поезде, выехав в Берлин), Сорокин оказался в числе многих представителей интеллигенции, отвергнутых новой властью и продолживших научную карьеру за рубежом.

По приглашению президента Чехословакии Т. Масарика П.А. Сорокин переехал из Берлина в Прагу. В чешской столице ученый провел год, работая в Русском университете и редактируя журнал «Крестьянская Россия»; в это время он написал ряд научных и публицистических работ, подготовил рукопись монографии «Социология революции» на русском языке.

В Праге П.А. Сорокин, испытывая колоссальное разочарование от результатов Русской революции, начал впервые задумываться о подведении итогов своих научных наблюдений над революционной стихией. Россия, по его словам, за короткий исторический срок испытала «целый цикл исторических превращений». С начала Первой мировой войны на его родине были пережиты «самые полярные состояния общест-

венного уклада, социальных процессов и массовых настроений... Мы знали высочайшие вершины героизма и бездонные пропасти греховности... испепеляющий восторг и смертную тоску, упоение творчества и сладострастие разрушения... Безграничную жертвенность и необузданное себялюбие... Поднимались на гребни исторических валов и падали в бездну...» [Сорокин. Современное состояние...].

Однако, по мнению ученого, спустя несколько лет социальных потрясений температура общественно-политических реакций значительно снизилась. «Пьяный угар проходит... Наступает пора нормальной жизни, а вместе с ней и необходимость трезвого учета реальной обстановки... Приходится брать в руки книгу “доходов и расходов” и подводить баланс за эти годы» [Сорокин. Современное состояние...].

Весьма удачное сравнение самого себя с «бухгалтером революции» подчеркивало новый подход ученого к исследованию революционных потрясений. Сорокин предложил не просто обобщение опыта Русской революции, его целью было попытаться понять и объяснить многое из исторического прошлого России и политических систем других стран. Результаты прямого наблюдения революционного процесса ученый сопоставил с политической историей других стран, стараясь выявить общие черты и закономерности. «Если ученый бессилён предотвратить Революцию, — писал П.А. Сорокин, — то, по крайней мере, он должен пользоваться современными, исключительно благоприятными условиями ее изучения. Это важно теоретически... Это важно и практически: более глубокое познание Революции может помочь выработке и более целесообразного практического отношения к ней» [Сорокин. Социология революции. С. 26].

Важной вехой в процессе обобщения Сорокиным опыта Первой мировой войны и Русской революции стала работа «Современное состояние России» (1922). Автором был применен классический позитивистский подход для анализа событий 1914–1922 гг. Сорокину удалось привлечь обширный статистический материал и подвести предварительные итоги масштабных политических, социальных, экономических, демографических и культурных изменений. В книгах «Голод как фактор» (1921–1922), «Листки из русского дневника» (1924) и «Социология революции» (1925) было положено начало систематическому социологическому анализу революции. Этот анализ Сорокин продолжил в трудах, получивших позднее всемирную известность: «Социальная мобильность» (1927) и «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). Разработанная им концепция социологии революции оказалась тесно взаимосвязана с понятиями социальной стратификации, социальной мобильности и социокультурной динамики — ключевыми для теоретической системы П.А. Сорокина [Ломоносова. С. 251].

В годы эмиграции кардинальные изменения произошли в мировоззрении ученого. Позитивистское и гуманистическое мироощущение, по его собственному признанию, впервые было поколеблено испытаниями Первой мировой войны. «Революция же 1917 года, — писал Сорокин в автобиографическом романе “Долгий путь”, — разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской фи-

лософией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического прогресса, как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах» [Сорокин. Долгий путь...].

Первые обобщающие революционный опыт оценки, высказанные в работе «Современное состояние России», стали впоследствии основой для последующих трудов П.А. Сорокина. Несмотря на внешний «позитивизм» автора, эта книга оказалась глубоко эмоциональным ответом на произошедшее с его родиной. Ученый охарактеризовал события 1914–1922 гг. как социальную катастрофу, имевшую долгосрочные последствия для всей последующей истории России. Им были зафиксированы разрушительные изменения в численности и составе населения, в «структуре социального агрегата», перемены в области экономики и политической системы. Сорокин давал неутешительный прогноз на будущее, повторяя выводы многих своих современников-интеллектуалов: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасное общество. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития» [Сорокин. Современное состояние...].

По словам Сорокина, война и революция «унесли главным образом те элементы, которые строили Россию, составляли ее ядро» [Сорокин. Современное состояние...]. При этом лишь формально «статистический» подход П.А. Сорокина усиливал эмоциональное впечатление от созданной им апокалиптической картины последствий Русской революции.

Ученый утверждал, что культурный класс в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны пострадал значительно сильнее, непропорционально по сравнению с другими группами общества. «Во всякой войне, а особенно гражданской, крупные лица всегда были мишенью, которую в первую очередь стремится уничтожить другая сторона. Римский лозунг *Parcere subjectes et debellare superbos* (щадите покорных и добивайте гордых) остается верным и по сей день. Он оправдался и в нашем опыте» [Сорокин. Современное состояние...].

По мнению Сорокина, Россия в результате революции и Гражданской войны лишилась большей части своей научной и творческой интеллигенции, «всего более страдавшей от ужасов и тягот этих годов» [Сорокин. Современное состояние...].

На фоне масштабных демографических потерь сознательное уничтожение культурной России большевиками оказалось наилучшим подтверждением слов В.И. Ленина о том, что советская власть пришла «всерьез и надолго». Как это ни парадоксально, коллапс советской системы, произошедший 70 лет спустя, совпал с восстановлением культурного баланса через советскую политику индустриализации, урбанизации, повышения уровня образования и культурных потребностей общества.

Сорокин делает важный вывод о том, что урон, нанесенный России, велик, но не исключает возможности постепенного восстановления и общенационального возрождения. «Однако, быть может, он еще не смертелен. Если в дальнейшем будет мир, внешний и внутренний, мы можем возместить до некоторой степени этот ущерб. Если же «мудрые правители» и дальше будут гнать народ на войны и революции — боюсь, что дело может принять роковой оборот» [Сорокин. Современное состояние...].

Крайне интересны замечания Сорокина о социально-экономической политике советской власти в годы военного коммунизма и НЭПа. Пирамида социального неравенства в ходе большевистской революции, по его словам, не исчезла, более того, антагонизм «верхов и низов» стал еще более глубоким. Изменились лишь обитатели «этажей» этой пирамиды. Имущественное неравенство преодолеть не удалось, т.к. перераспределение благ осуществлялось «агентами власти и ее клиентами в пользу себя самих» [Сорокин. Современное состояние...].

К началу 1920-х годов лидеры революции были вынуждены обратиться к восстановлению старой экономической модели, прибегая к частичной легализации элементов рынка и частной собственности. Это была вынужденная уступка, которая шла вразрез с марксистской теорией и практикой первых лет советской власти.

Сорокин обращал внимание на парадокс Русской революции, результаты которой оказались прямо противоположны провозглашенным ею лозунгам. Вместо торжества коллективных начал революционные потрясения вызвали к жизни расцвет полуполюгальных схем личного обогащения, хищничества и индивидуализма. Разрушение дореволюционной экономической модели (в чем большевистская власть действительно преуспела) привело к появлению специфических адаптивных практик, затронувших как городское население, так и российское крестьянство. Некоторые из них в буквальном смысле ставили идеологов партии в тупик.

«В результате коммунистической революции, — писал Сорокин, — в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия. До коммунизма у нас в деревне не было настоящей мелкой буржуазии, у крестьян — глубокого чувства и положительной оценки института частной собственности. Теперь то и другое налицо. Революция превратила наших общинников-крестьян в индивидуалистов-собственников. По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора. Власть бессильна сопротивляться этому, и земельный закон 22 мая 1922 г., представляющий разновидность закона П.А. Столыпина, санкционировал это. Короче, в дерев-

не коммунистическая революция выполнила программу П.А. Столыпина, создала мелкого собственника и надолго похоронила всякие коммунизмы» [Сорокин. Современное состояние...].

Таким образом, идеалом крестьянства, согласно Сорокину, было не царство всеобщего равенства и процветания, не общинный уравнилельный социализм (ошибочно приписываемый крестьянству интеллигенцией), а реализация инстинктов собственности и свободы. Именно обладание землей в годы НЭПа для крестьянина, наученного опытом Гражданской войны и военного коммунизма, означало гарантии физического выживания.

На вершине социальной пирамиды, согласно Сорокину, находились «красные директора», руководители трестов и главные бенефициары НЭПа — «хорошо наживающиеся агенты Внешторга». Отмечая противоречия советской системы, Сорокин видел в переходе к НЭПу признаки скорой трансформации советской власти в сторону реставрации старого экономического, политического и социального порядка. Неизбежным ему представлялось и юридическое признание частной собственности и свободы рынка, после чего их преимущества перед государственной экономикой станут очевидны. Будущее, по его словам, было за российским крестьянством, мелкобуржуазными формами его экономической организации и кооперативным движением.

Предположение П.А. Сорокина о НЭПе как о возможном пути выхода из революционного тупика не оправдалось. Но описанный им механизм усиления этатистских тенденций в советском государстве и обществе оказался верным. Этатизм, согласно Сорокину, выступает спутником имущественной дифференциации и ущемления рефлексов собственности и свободы [Найденова, Найденов. С. 46–47]. Подавление базовых человеческих инстинктов, отрицательная селекция и милитаризм как средство мобилизации масс создали идеальные условия для перехода к политике «великого перелома», которая совершенно иным и более радикальным способом разрешила крестьянский вопрос.

Картина разрушения социального агрегата, экономической жизни, политической системы, описанная Сорокиным, невольно наводит на размышления об ответственности российской интеллигенции за произошедшее. Стоит заметить, что П.А. Сорокин никогда не участвовал в сменовеховстве и в целом весьма критически относился к этому направлению общественно-политической мысли. «Конформизм» части интеллигенции, увидевшей в Русской революции «национальные черты», Сорокин решительно отвергал.

Согласно мнению Сорокина, именно современникам (очевидцам, участникам) революционных событий должна принадлежать ключевая роль в их интерпретации и социологическом анализе: «Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом (а не косвенным, основанным на случайно сохранившихся документах), с их ежедневным и адекватным восприятием явлений (а не опосредство-

ваным, отрывочным, случайным и искаженным конструированием их), являются лучшими знатоками, наблюдателями и судьями» [Сорокин. Социология революции. С. 31].

После пражской эмиграции П.А. Сорокин продолжил свою научную деятельность в США. Значительную роль в судьбе ученого, как и всей мировой социологии, сыграло письмо Сорокина к его коллеге Эдварду Россу из Университета Висконсина с просьбой оказать содействие в переезде в США для знакомства с достижениями мировой социологии. Письмо было написано в июле 1922 г., еще до изгнания Сорокина из Советской России.

«Если правительство России даст мне разрешение — то я намерен через месяца два-три прибыть в Америку и пробыть в ней год или два, чтобы хорошо изучить американскую социологию, многому научиться, а с другой стороны — поделиться и с вами знаниями и, в частности, большим опытом и выводами, полученными из нашего великого трагического эксперимента» [Sorokin to Edward A. Ross].

В 1923 г. Эдвард Хейс из Университета Иллинойса и Эдвард Росс из Университета Висконсина пригласили П.А. Сорокина в США прочесть серию лекций о русской революции. «Говоря социологическими терминами, — шутил П.А. Сорокин, — моя “горизонтальная и вертикальная мобильность” снова внезапно ускорила. На этот раз она перенесла меня за океан и выбросила на берега великой страны» [Сорокин. Долгий путь...].

Характерно, что тематика Русской революции 1917 г. стала своеобразной «визитной карточкой» молодого социолога, вошедшего в американскую науку под именем Pitirim A. Sorokin. Русская революция, согласно мнению ученого, оказалась идеальной «практической моделью» для изучения социологической природы революционного процесса: «Русская Революция как тип революции вообще — предмет анализа социолога» [Сорокин. Социология революции. С. 26–27].

Научные результаты не заставили себя ждать. Работа П.А. Сорокина «Социология революции», апробированная в университетах США, была опубликована в 1925 г. на английском языке. Эта книга подвела итог большому количеству его публицистических статей 1917 г. и серии исследований 1920–1922 гг., в которых были проанализированы последствия мировой войны, революции, Гражданской войны и Новой экономической политики в России. В СССР на протяжении десятилетий эта работа была недоступна массовому читателю. Машинопись «Социологии революции» на русском языке долгие годы хранилась в архиве в Праге, а затем в Киеве¹. Падение советской системы не привело к немедленному возвращению идей социолога на его родину. В России труд Сорокина в том виде, в каком он задуман и написан автором, был опубликован лишь в 2005 г.

1 Документы из пражского архива, в числе которых находилась машинопись «Социологии революции», были вывезены группой сотрудников Архивного управления при НКВД УССР в июне 1945 г.

Социология революции понимается П.А. Сорокиным прежде всего как практическая, прикладная дисциплина, основанная на позитивном знании, предметом исследования которой выступает революция. Особое внимание ученый уделяет характеристикам, связанным с динамикой ее развития. *«Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, — с другой»* [Сорокин. Социология революции. С. 32].

В «Социологии революции» П.А. Сорокин выделил несколько ключевых причин возникновения революционных ситуаций: голод, подавление импульсов собственности и свободы, подавление инстинкта самосохранения и других базовых человеческих инстинктов. Как и в более ранних работах, фактором, ускоряющим возникновение революционной ситуации, ученый считал дезорганизацию власти и социального контроля.

Сорокин отмечал двойственность человеческой природы, вмещающей в себя не только добродетели, но и противоположные, разрушительные, иррациональные импульсы. В период революционной ситуации природные инстинкты, генетически унаследованные черты, «стихийное» следование толпе начинают все отчетливее проявляться в поведении масс по сравнению с периодом «стабильности».

Революцию социолог ассоциировал с особой разновидностью поведения масс, характеризваемой быстротой и резкостью смены общественных настроений. Происходит мутация поведения людей, которую П.А. Сорокин связывал с торможением безусловных рефлексов и отмиранием условных (индивидуально приобретенных приспособительных реакций человека, потенциально гораздо более слабых, чем безусловные). Ущемленный безусловный рефлекс начинает оказывать давление на ряд условных рефлексов, мешающих его удовлетворению. Далее развивается процесс биологизации поведения: исчезновение условных рефлексов, ранее тормозивших безусловные, «освобождает человека» от поведенческих паттернов, бывших до этого нормой.

Фактически Сорокин нашел универсальную социологическую «формулу», раскрывающую одну из крылатых фраз «золотого века» русской литературы: «Без Бога [...] все позволено» (Ф.М. Достоевский). Завершается период мутации поведения формированием новых условных рефлексов, «которые не тормозят, а помогают удовлетворению ущемленных безусловных рефлексов» [Сорокин. Социология революции. С. 56]. Формируются новые модели человеческого поведения, отличные от моделей, типичных для дореволюционной ситуации. В качестве неизбежного результата революционной мутации поведения и отмирания условных рефлексов Сорокин называл примитивизацию и дезорганизацию психической жизни общества. Примерами такой дезорганизации выступали модели поведения, отрицающие вариативность восприятия окружающего мира и его сложность, нацеленные на быстрый выход социальной энергии: «массовое распространение рефлекса подражания, неспособность правильно воспринимать окружающую действительность, отрыв от реальности, преобладание «прямого» мето-

да мышления и действия, мания величия, отказ от личной ответственности и замена ее коллективной» [Сорокин. Социология революции. С. 16].

Крайне интересны замечания Сорокина относительно изменения речевых рефлексов, напрямую связанных с «языком революции», который также быстро изменяется и адаптируется к новой среде: «О речевых и субвокальных рефлексах нечего и говорить. Они меняются поистине с магической быстротой. В течение нескольких дней или недель монархист становится республиканцем, идеолог собственности — социалистом, верующий — атеистом [Сорокин. Социология революции. С. 49–50].

Изменения речевых рефлексов, согласно Сорокину, сопровождаются деформацией религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения (рефлексов «высшего порядка», критичных для поддержания общества в «нормальном» состоянии). Как правило, последствия такой деформации оказываются наиболее разрушительными. С началом революции гаснут те религиозно-морально-правовые рефлексы, которые призваны защищать жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность личности. Революция требует все новых и новых жертв. «Говоря языком уголовного права, — пишет Сорокин, — колоссально возрастают преступления против личности» [Сорокин. Социология революции. С. 137]. Приведенные автором статистические данные, фиксирующие рост уголовной преступности в Москве в 1914–1918 гг. в 11–16 раз, подтверждают вывод ученого.

Но этим последствия деформации поведения масс не ограничиваются. По мнению социолога, «какую бы область морально-правового поведения мы ни взяли — вывод получается один и тот же: деморализация и угасание всех морально-правовых тормозных рефлексов» [Сорокин. Социология революции. С. 158].

Деморализация актов социального поведения сопровождается деградацией морального и правового сознания масс (изменением «субвокальных рефлексов»). Старое моральное сознание, по мнению Сорокина, «тускнеет и быстро выветривается. Происходит “переоценка моральных ценностей”, ведущая или к полному нигилизму, к смердяковскому “все дозволено”, или к диаметрально противоположным моральным оценкам, представляющим собою “облагораживание” животных импульсов» [Сорокин. Социология революции. С. 158].

Питириим Сорокин не заключает, какой из двух описанных им вариантов деформации поведения является преобладающим. Очевидной, по его мнению, является эволюция от первого ко второму: через нигилизм «смердяковых» к появлению «новой» морали. «Дело вкуса — квалифицировать это изменение положительно или отрицательно. Дело исследователя — констатировать его несомненность и бесспорность» [Сорокин. Социология революции. С. 159]. Ученый подчеркивает: с началом революции вместо отмирающих рефлексов и моделей поведения обществу прививаются новые, но они уже более не тормозят, а раскрепощают «разбушевавшиеся» биологические импульсы.

В основе попытки объяснить поведение человека в период революции биологическими механизмами лежала теория коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева, оказавшая существенное влияние на научный метод П.А. Сорокина. В дальнейшем ученый переходит от «чистого» позитивизма в социологии к системе интегральных ценностей, включающей в себя не только психологические и биологические характеристики общества, но и уровень его образования, культуры и духовной жизни.

Важное место в «Социологии революции» Питирима Сорокина занимает анализ изменения структуры социального агрегата. Под социальным агрегатом автор понимает общество в целом, причем в нем он выделяет не только индивидов, но и целый ряд групп: религиозных, семейных, профессиональных, имущественных, партийных. Сорокин подчеркивает, что отдельный индивид может одновременно принадлежать не к одной, а сразу к нескольким из указанных групп. Совокупность тех групп, к которым принадлежит индивид, и место, которое он занимает в каждой из них, ученый называет «системой социальных координат». Координаты определяют положение индивида в «социальном пространстве», его социальный вес, «социальную физиономию» и характер поведения.

Сорокин отмечает, что в любом обществе постоянно происходит циркуляция индивидов из одной группы в другую. Таким образом они перемещаются в системе социальных координат. Следствием данных процессов является колебание объемов (числа членов) таких групп или слоев общества. Автор также допускает, что ряд индивидов, ушедших из некоторых групп, не вливается в существующие, а может образовать новую группу (например, новую партию).

П.А. Сорокин прибегает к сравнению строения социального агрегата с физикой жидких тел, говоря о «циркуляции членов» отдельных его групп. В нормальных условиях, пишет ученый, все эти процессы совершаются по определенной системе, без резких колебаний и катаклизмов. Совершенно иная картина наблюдается в начальный период революции, когда циркуляция индивидов принимает анархический характер. Внутренние связи в отдельных социальных группах резко ослабевают, линии социального расслоения стираются, парализуются механизмы, ранее регулировавшие циркуляцию и разделение на группы. На втором этапе революции происходит воссоздание структуры агрегата, намечаются контуры расслоения общества на группы, но уже на новой основе.

Как уже было отмечено выше, ученый утверждал, что новая структура не всегда радикально отличается от характерной для «старого режима». «Напротив, она очень похожа на старую: различны только жильцы в разных комнатах этого по существу старого здания; новы вывески, да кое-какие переделки, и только» [Сорокин. Социология революции. С. 214]. Социальная пирамида сохраняется и лишь принимает новых обитателей в свои «этажи».

Новым, по сравнению с дореволюционным периодом, является скорость изменений структуры социального агрегата: «Индивиды как бы моментально взлетают из низов

имущественной или объемно-правовой пирамиды на верхи, перескакивая сразу ряд ступеней, и наоборот — падают сверху вниз с той же катастрофической быстротой и внезапностью. [...] В нормальное время во всех этих переменах, подъемах и падениях есть постепенность: индивид исподволь из бедняка становится богатым, из мелкого чиновника — чиновником более высокого ранга, не столь быстро и резко меняет профессии [Сорокин. Социология революции. С. 215–216].

Нетрудно заметить, что в главе «Социологии революции», посвященной изменению структуры социального агрегата, уже содержатся многие элементы теории социальной мобильности, спустя несколько лет утвердившей имя П.А. Сорокина в мировой социологии¹ [Sorokin. Social Mobility. P. 35].

Одним из достижений работы П.А. Сорокина является принципиально новый подход к понятиям «революция» и «реакция» и взгляд на них как на единое целое: «...любой революционный период как целое неизбежно состоит из двух частей, неразрывно связанных друг с другом и неотделимых одна от другой, как неотделима голова живого человека от его туловища. Реакция не есть явление, выходящее за пределы революции, а неизбежная часть самого революционного периода — его вторая половина» [Сорокин. Социология революции. С. 29–30].

Революция, согласно П.А. Сорокину, имеет две стадии. На первой стадии революции происходит быстрый выход разрушительной энергии, накопленной в народной массе. Вслед за этим, когда пик революции пройден, в обществе проявляются социальная апатия и усталость. Нерегулируемый анархический автономизм первых моментов революции и «войны всех против всех» сменяется деспотическим этатизмом. Энергичная группа революционеров или талантливый политический лидер-тиран могут легко захватить власть на второй стадии революции, пользуясь временной слабостью народных масс, и восстановить «порядок». Вторую стадию П.А. Сорокин характеризует как стадию «реакции». Государство подчиняет себе революционную стихию, невероятно усиливаясь за счет мобилизации и канализации разрушительной энергии масс. Причинами, порождающими эту стадию, являются усиление голода, преступности, реквизиций, эпидемий, примитивного хаоса гражданской войны. Сорокин доказывал, что со всякой глубокой революцией неразрывно связан институт диктатуры, единоличной или коллективной. Общество стоит перед выбором: либо погибнуть, продолжая поддерживать революционный взрыв, либо навести порядок любой ценой. Обращаясь к исторической ретроспективе, П.А. Сорокин относил к «творцам порядка» Октавиана Августа, Оливера Кромвеля, Максимилиана Робеспьера, Наполеона Бонапарта. Это именно тот тип лидера, который, по его словам, необходим для наведения порядка «железным кулаком» после периода революционного хаоса.

Общество, которое последовательно отвергает путь мирных реформ, лишает себя перспектив эволюционного развития. Максимализм революционных лидеров и реак-

1 Русскоязычное издание: Сорокин П.А. Социальная мобильность. М. 2005.

тивные механизмы поведения масс вынуждают такое общество платить дань за революцию в размере значительной части своего населения. П.А. Сорокин делает вывод о преимуществе мирных, эволюционных форм развития, основанных на правовых механизмах, перед социальной революцией. Иногда для иллюстрации этого вывода он использует совсем не социологические термины.

«Изучая историю человеческого прогресса, — отмечал Сорокин, — я давно уже убедился в том, что главные и подлинные завоевания на этом пути были результатом подлинного знания, мира, солидарности, взаимопомощи и любви, а не ненависти, зверства и дикой борьбы, — явлений, неизбежно связанных со всякой глубокой революцией. «Бог не в громе и буре, а в тихом ветре», — так формулируется эта истина в Библии» [Сорокин. Социология революции. С. 34].

Современный мир, утверждал Сорокин, более чем когда бы то ни было нуждается в порядке. «Даже худой порядок лучше беспорядка, как “худой мир лучше доброй ссоры”. Вместо революционных путей и экспериментов есть другие пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ» [Сорокин. Социология революции. С. 35]. Эти пути ученый сводит к следующему «канону» (canons) социальной реконструкции:

1. Никакая реформа не должна насилловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам. Русский коммунизм, как и большинство революционных опытов, пример обратного.
2. Любая реформа должна считаться с реальными условиями. Большинство революционных реформ представляют собой грубое нарушение этого условия.
3. Практическому осуществлению реформы должно предшествовать внимательное изучение положения дел и конкретных условий. Революции полностью игнорируют и это условие.
4. Реформационный опыт должен быть испробован сначала в малом масштабе, и только тогда, когда в этом малом масштабе он даст положительные результаты, возможен переход к опытам в большом масштабе. Революции, конечно, игнорируют это условие.
5. Реформы должны проводиться только легальными и конституционными методами, элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере. Революции — полное отрицание этого правила» [Сорокин. Социология революции. С. 35].

Вступая на путь реконструкции и восстановления, считал Сорокин, общество должно не следовать логике полного отрыва от своего прошлого, а наоборот, стремиться к возвращению большей части своих устоев, институтов и традиций. Если общество не способно выбрать этот обратный путь, социальная революция может закончиться его гибелью.

Будучи убежденным противником любых революций, Питирим Сорокин вместе с тем указывает на некоторые положительные последствия революционных изменений. По

его мнению, революция способна выполнять роль тестовой системы, помогающей отличить «псевдознания» и «псевдоопыт» от подлинных знаний и опыта. Об этой особенности революции Сорокин говорил в публичных выступлениях еще в 1922 г., до вынужденного отъезда из большевистской России. Революция играет важную селекционную роль, актуализирует опыт применения социально-экономических и общественно-политических теорий. Благодаря этой роли в революционную эпоху происходит ускоренная переоценка ценностей, наблюдаются огромные сдвиги в области идеологии и мировоззрения общества, крушение ранее популярных идеологем, социальных, экономических и политических учений. Путем трагического опыта революции ее современники и потомки приходят к осознанию, что многое из того, что раньше считалось «предрассудком» и от чего они стремились «освободиться», оказывается в действительности рядом необходимых условий для нормальной жизни и развития общества.

Однако эти положительные последствия революции аннулируются множеством неблагоприятных факторов, наносящих серьезный ущерб (качественно и количественно) тем достижениям, которыми располагало общество в дореволюционную эпоху. Главный же вред революции, по мнению Сорокина, состоит в том, что она количественно ослабляет и качественно ухудшает образовательный и культурный потенциал общества, нанося непоправимый ущерб будущим поколениям.

В более поздних работах Сорокин вновь обращается к теории революции, однако его подход становится более комплексным. Период жизни П.А. Сорокина в США характеризовался утверждением ученого в новом мировоззрении, отходом от бихевиоризма в социологии, что повлекло отказ от взгляда на поведение человека как на систему «реакций» на внешние «стимулы». В исследованиях социолога происходит поворот к системе интегрированных ценностей, учитывающих уровень образования, культуры, духовной жизни общества. «Культурологический» период творчества социолога, продлившийся около трех десятилетий, считается наиболее плодотворным [Голосенко. С. 224].

В 1937–1941 гг. в Нью-Йорке было опубликовано фундаментальное четырехтомное исследование П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». На основе анализа обширных фактических данных автор утверждал, что все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживали в то время серьезный кризис. Вслед за Н.А. Бердяевым П.А. Сорокин пришел к отрицанию всех форм линейной интерпретации исторического процесса и одновременно всех линейных теорий прогресса, не состоятельных «ни с метафизической, ни с логической, ни с фактологической, ни с этической точки зрения» [Сорокин. Социальная и культурная динамика. С. 14].

Обращая ретроспективный взгляд в прошлое, Сорокин называет в качестве переломного события, изменившего его мировоззрение, именно Русскую революцию. Подобно многим ее современникам (и участникам) он также до определенного момента верил «в прогресс, революцию, социализм, демократию, научный позитивизм и многие другие подобные “измы”». Революционные потрясения привели к крушению этих идеалов.

«Я ожидал, — писал П.А. Сорокин, — прогресса мира, а не войны, бескровного преобразования общества, а не кровавых революций, гуманизации и смягчения человеческих отношений, а не массовых убийств, дальнейшего совершенствования демократии, а не авторитарных диктатур; я ожидал усиления роли науки, а не пропаганды авторитарных предписаний под видом истины, всестороннего развития человека, а не его возвращения в состояние варварства» [Сорокин. Социальная и культурная динамика. С. 25].

На основе обширного фактического и статистического материала П.А. Сорокин пришел к выводу, что в истории развития человечества наблюдается циклическая смена «суперсистем культуры» в следующей последовательности: идеациональная (основанная на духовных ценностях), идеалистическая, чувственная. Своеобразие каждого из этих трех типов культуры находит воплощение в философии, науке, искусстве, праве, религии, структуре общественных отношений, политике, экономике, изменении социального поведения. Переход от одного типа к другому обычно сопровождается кризисами, войнами и революциями.

Подробно анализируя историю европейской культуры, Сорокин относил к идеациональному типу раннесредневековую культуру христианского Запада (с VI по XIII век), а к идеалистическому — великую европейскую культуру эпохи Возрождения. Кризис пришедшей ей на смену современной чувственной культуры, лишенной абсолютных идеалов, и устремленной к чувственному наслаждению и потребительству, Сорокин связывал с развитием материалистической идеологии и экспериментальной науки в ущерб духовным ценностям.

П.А. Сорокин считал, что современное ему западное общество находится в состоянии перехода между двумя эпохами: «от умирающей чувственной культуры величественного вчера к наступающей новой культуре творческого завтра» [Сорокин. Социальная и культурная динамика. С. 24]. Социолог был убежден, что «суперсистемам культуры» присуща своя внутренняя динамика, охватывающая длительные исторические фазы: генезиса (происхождения), роста, созревания, увядания, упадка и, наконец, распада. На заключительной стадии происходит переход к новой форме культуры, сопровождаемый кризисом распада, войнами и революциями. Любая система, считал Питириим Сорокин, «неизбежно приходит в расстройство, “увядает” и разрушается, социокультурный строй всякого общества должен переживать переходные периоды и заодно испытывать нарастающие волны беспорядков» [Сорокин. Социальная и культурная динамика. С. 762].

Не разделяя оптимизма многих своих современников, в «Социальной и культурной динамике» и «Кризисе нашего времени» (1941) ученый доказывал, что войны и революции не исчезают, а напротив, достигнув в XX в. беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными, чем когда бы то ни было. Творческие силы западной культуры увядают и отмирают, что позволяет говорить о кризисе общества не обычного, а экстраординарного характера. «Так как нынешний переходный период, — утверждал социолог, — является одним из наиболее критических из всех зафиксированных, то он с необходимостью сопровождается взрывом революций и анархии, не имеющих исторических параллелей по своему количеству и интенсивности» [Сорокин. Кризис... С. 153].

Основная проблема, считал он, состоит не в противостоянии демократии и тоталитаризма, свободы и деспотии, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма (и прочих «измов», широко популярных с начала XIX в.). Решение этих противоречий не способно преодолеть глубинной природы кризиса, поскольку его истоки лежат в иной плоскости и связаны со сменой культурных «суперсистем». Отвергнув все существовавшие диагнозы, П.А. Сорокин делает вывод, что кризис являет собой лишь разрушение чувственной формы культуры западного общества, после которой наступит новая социокультурная интеграция.

Следует отметить, что кризис чувственной природы человека и чувственной формы культуры неизбежно ведет к уже известным механизмам биологизации, то есть к трансформации социального поведения, описанным Сорокиным в его работах 1920-х годов. С цикличностью социокультурных изменений связан главный вывод ученого — история повторяется. В «Социологии революции» П.А. Сорокин пишет о цикличности революционного процесса, четко разделяя его на две стадии: анархическая социальная революция и контрреволюционное восстановление «порядка». В «Социальной и культурной динамике» автор предлагает читателю более масштабную картину социальных изменений и последовательной смены социокультурных систем, опираясь на богатый исторический и статистический материал.

П.А. Сорокину удалось не только предложить современникам и потомкам универсальную формулу революции, но и детально описать основные условия зарождения и развития революционных / контрреволюционных процессов. Социолог предупреждал, что увядание и распад любой социальной системы естественны с исторической, логической и этической точки зрения. Революцию нельзя предотвратить или экспортировать, это результат естественных внутренних реакций и социальных изменений, болезнь социального организма. Излишнее увлечение «контрреволюционным ренессансом», предпринятое с благой целью «восстановления порядка», может быть не менее опасным и разрушительным по своим последствиям, чем революционный взрыв. «Каноны» социальной реконструкции, предложенные П.А. Сорокиным, содержат важные принципы социальной интеграции и восстановления общества, пережившего потрясения революции. В этом смысле сказанное Питиримом Сорокиным чрезвычайно актуально для постановки и решения проблем общества и государства в современной России — разумеется, с учетом наличия чрезвычайно широкого поля для интерпретаций наследия великого социолога.

Литература

- Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург. 2002.
- Голосенко И.А. Питириим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар. 1991.
- Ломоносова М.В. Социология революции Питириима Сорокина // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 1. Вып. 3. С. 251–268.
- Найденова Т.А., Найденов Н.Д. Питириим Сорокин о социальном пространстве // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3 (45). С. 36–52.

- Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар. 1991. — URL: golubinski.ru/socrates/pitirim/11.html (дата обращения: 06.11.2023).
- Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар. 2018.
- Сорокин П.А.* Современное состояние России. Прага. 1922. — URL: pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia (дата обращения: 06.11.2023).
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М. 2006.
- Сорокин П.А.* Социология революции. М. 2005.
- Сорокин П.А.* Сочинения: 1919–1923. Сыктывкар. 2019.
- Cowell G.* Values in human society. Boston. 1970.
- Finkel S.* Sociology and Revolution: Pitirim Sorokin and Russia's national degeneration // Russian History. Vol. 32. № 2 (Summer 2005). Pp. 155–169.
- Sorokin to Edward A. Ross (July 1922) // Pitirim Alexandrovich Sorokin. Category: correspondence. — URL: rogersmusings.com/files.wordpress.com/2022/03/sorokin-to-edward-a.-ross-1.docx (date of access: 06.11.2023).
- Sorokin P.* Social Mobility. N.Y. 1927.